

совых ситуаций. Для реализации данного направления можно использовать конфиденциальные социометрические исследования, направленные на выявление эмоциональных и профессиональных предпочтений, выявление конфликтности в коллективе, определение причин профессиональной неуспешности отдельных сотрудников.

Выводы

В условиях реформирования государственной службы усложняющийся характер профессионального труда ставит перед гражданскими служащими новые задачи, создает ситуации, требующие принятия самостоятельных, в том числе инновационных решений, повышает уровень ответственности за своевременность и результативность выполняемых действий, и тем самым предъявляет новые требования к качественному составу кадрового корпуса государственной службы.

С целью оптимизации кадровой работы в органах исполнительной власти и повышения психологической компетентности специалистов, улучшения их адаптации к новым условиям деятельности на государственной службе, создания условий для эффективной профессиональной самореализации персонала обнаруживается потребность в социально-психологическом сопровождении на государственной службе автономного округа.

Использование современных технологий работы с персоналом с применением психологических методов позволяет оценить профессионально важные качества, определить профессионально-личностный потенциал гражданских служащих, изучить мотивацию к профессиональной деятельности, выявлять степень удовлетворенности работой или ее условиями, адаптационные и коммуникативные способности персонала, особенности межличностного взаимодействия в коллективе.

Таким образом, социально-психологическое сопровождение на государственной гражданской службе можно рассматривать как перспективное направление деятельности, поскольку оно способствует оптимизации работы с персоналом и повышению эффективности деятельности на государственной службе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акмеологическая оценка профессиональной компетентности государственных служащих: М.: Рагс, 2006
2. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности. М., 2001
3. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. М., 2003
4. Карпенко А.С., Ковалева М.А. Индивидуальная работа с персоналом в государственной службе. М.: Рагс, 2006
5. Психология профессиональной деятельности: М.: РАГС, 2006
6. Шпалинский В.В. Психология менеджмента. М.: 2006.

Зухра Зуфаровна ВАХИТОВА —
доцент кафедры общей и социальной психологии
Тюменского государственного университета,
кандидат психологических наук

УДК 159.924.7:33

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМЬЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются психологические аспекты особенностей экономических отношений в семье. Раскрываются этапы формирования экономических отношений в онтогенезе.

In the article the psychological aspects of features of economic relations are examined in family. The stages of forming of economic relations open up in ontogenesis.

В современной экономической теории семья, домохозяйство являются одним из экономических агентов, включенных в цикл производство-распределение-потребление. Домохозяйство рассматривается как поставщик ресурсов на рынке труда и капитала и как потребитель на рынке товаров и услуг. При этом особенности экономической жизни самой семьи оказываются за пределами рассмотрения экономической науки.

Вместе с тем особенности проявления экономических отношений в семье можно проследить в развитии собственно экономических отношений в онтогенезе. Традиционно в экономике выделяются следующие сферы: производство, распределение, обмен (торговля) и потребление. Предлагаем рассмотреть эти сферы в соответствии с хронологией их развития в человеческом сообществе.

В отечественной политэкономической традиции происхождение товарообменных отношений связывается с появлением излишков товара, возникающих в результате овладения человеком все большим спектром орудий труда, и, соответственно, с ростом производительности труда. Однако проблема определения момента возникновения собственно экономических отношений лежит гораздо глубже. Первоначально для человека были значимыми сфера производства (в том числе и архаического), и непосредственно к ней примыкающая сфера потребления.

Появление экономических отношений в их рыночном виде и обмена (как экономического, торгового) кроме появления излишков, требует достаточно развитого категориального аппарата сознания человека. Для полноценной торговой деятельности нужны: категория товара — как специально для торговли, для обмена произведенного продукта, категория стоимости — способы и возможности сопоставления между собой различных видов товаров, через категорию денег — как универсального товара, позволяющего через сравнение с собой оценить стоимость каждого из товаров. Такая развитость абстрактного мышления присуща цивилизованному человеку. Для первобытного сознания характерны иные формы мышления. Это позволяет нам предположить, что собственно экономические отношения являются достаточно поздним образованием в человеческой культуре, и их появление связано, прежде всего, с глубокими мировоззренческими изменениями в мышлении человека.

В дальнейших наших рассуждениях мы во многом будем опираться на представления о происхождении человека, высказанные А.М. Лобком в работе «Антропология мифа» [2]. Эти представления связывают происхождение человека не с началом его трудовой деятельности, как это было принято считать в дарвинизме (а впоследствии — и в марксистской философии), а с началом меточной деятельности, имеющей не утилитарную, а мифосемантическую природу. «Первичным в феномене культуры является вовсе не утилитарность, а мифосемантичность, знаковость». Автор обосновывает свои представления тем, что «любое целевое утилитарное использование природного каменного обломка — это самый сложный в культурном отношении акт» и для первобытного человека является недоступным [2; 323].

Автор полагает, что использование орудий труда (каменных обломков, галек и т.д.) носило вовсе не инструментальный, утилитарный характер, обеспечивающий большую эффективность так называемой трудовой деятельности древнего человека. Утилитарному использованию каменных обломков предшествовал период меточной деятельности: «Древнейший человек начинает утилитарно использовать не просто какие-то случайные обломки, а исключительно те предметы, которые уже имеют культурное измерение, обладают какой-то встроенной мифосемантикой» [2; 320].

Таким образом, хозяйственная, орудийная деятельность человека определяется не необходимостью в облегчении трудовой деятельности, а скорее в обеспечении пространства для иной деятельности — ритуальной. Первобытное производство и первобытное потребление слиты между собой в рамках этой деятельности. Специфика материального производства первобытного человека заключается в том, что оно носит подчеркнуто надпрагматический характер, целиком и полностью детерминируясь не практической целесообразностью, а мифом: «человек палеолита и мезолита производит не потому, что он стремится получить какой-то практический результат, а просто потому, что он с максимальной тщательностью совершает некую совокупность действий, предписанную ему мифом, а значит, предписанную ритуалом» [2]. Вещное производство выступает побочным результатом обрядово-ритуальной деятельности.

Особенностью хозяйственной деятельности древнего человека является отсутствие торговли в полном смысле этого слова. В марксистской политэкономии появление торговых отношений связывается с появлением излишков, которые могут быть обменены на что-то другое. Однако это требует сложной мыслительной операции: представления о возможности такого обмена, способности оценивать обмениваемый товар и сопоставлять между собой стоимости товаров. Для первобытного человека, для которого все, произведенное им, имеет не утилитарное, а смысловое значение, такой акт представляется практически невозможным. Более того, такое действие требует иной мировоззренческой позиции — способности абстрагироваться от непосредственного значения вещей.

Об отсутствии собственно торгового обмена в первобытных обществах говорят антропологи. По их данным, первоначально обмен товарами носил церемониальный характер. Целью такого обмена служило не стремление получить прибыль, а скорее стремление увеличить свой социальный капитал за счет установления длительных отношений партнерства [6]. Х. Шрадер рассматривает форму церемониального обмена, называемого кругом Кула. В этой церемонии происходит обмен сакральными предметами, не имеющими потребительной стоимости, но придающими своему владельцу высокий социальный престиж. Круг Кула не заканчивается одной сделкой обмена. Он является постоянным и не имеет рационального характера.

Таким образом, можно говорить о том, что хозяйственная деятельность человека была ориентирована прежде всего на поддержание хозяйства — как некой системы, обеспечивающей даже не столько физическое, сколько культурное выживание. Наиболее важными аспектами этой хозяйственной деятельности выступали обеспечение ритуальной деятельности и поддержание существующей системы социальных связей.

Переход к земледелию: мировоззренческий переворот. Изменение первоначальной слитности производства и потребления, с точки зрения А.М. Лобка, предопределило переход к земледелию, связанный с выходом за рамки повторяемости ритуального действия к творчеству (возможности создания новой формы). Этот переход привел к ряду мировоззренческих изменений, в свою очередь приведших к формированию феномена экономических отношений.

От процесса к результату: возникновение утилитарности. С появлением земледелия происходит постепенный сдвиг в смысловых приоритетах деятельности человека — этот вид деятельности оказывается нацеленным на результат, когда основным смыслом деятельности уже становится не столько точное выполнение ритуала, сколько необходимость собрать максимально богатый урожай. Если первобытный человек «производит не потому, что он стремится получить какой-то практический результат, а просто потому, что он с максимальной тщательностью совершает некую совокупность действий, предписанную ему мифом, а значит, предписанную ему ритуалом», то для цивилизованного человека «производство перестает носить случайно-непредсказуемый характер и все более становится целевым». Смысл деятельности сдвигается от переживания самого процесса к достижению цели. Производство начинает определяться не мифом, а целью. Если до этого источником пищи были непродуцированные виды деятельности (охота и собирательство), то в земледельческую эпоху производство впервые становится непосредственным источником поддержания жизни, а предметом производства впервые становится пища [2].

Происходит открытие феномена цели. Это происходит в силу того, что появляется новое производство — земледелие, «предметом и продуктом которого впервые становится не символическая реальность, а реальность, если можно так выразиться, физиологическая. Продукт земледельческого производства, в каких бы религиозных контекстах он не находился, предполагает достаточно однозначную интерпретацию — это пища, то есть условие и источник физического существования. Эта-то однозначность земледельческого продукта и обуславливает целевой характер земледелия» [2].

На этом этапе фактически начинают действовать экономические законы (принципы): первый — достижение заданной цели при использовании минимума средств, второй — достижение максимально возможного при использовании имеющихся средств, и третий, объединяющий первые два, — достижение максимального результата при минимальных затратах [6].

Разделение субъекта и объекта: возникновение собственности. В психологическом плане с возникновением земледелия для человека заканчивается эпоха, когда его полностью устраивала мифологическая картина мира, и совершенно не волновал вопрос «А как происходит на самом деле?». «Палеолитический человек не являлся субъектом производства; подлинным субъектом производства являлся здесь ритуал и несомый им миф» [2]. Деятельность первобытного человека детерминировалась не реальностью, а мифом. Иная ситуация для человека, живущего в эпоху земледелия. Его деятельность определяется уже не только мифом, но и соображениями практической целесообразности. В земледелии человек впервые сталкивается с идеей объекта, как некой живущей по своим (природным, а не мифологическим законам) реальности. И одновременно это приводит к закладке человеческой субъектности, человеческой индивидуальности.

Преодоление мифологической субъективности (открытие объекта) и открытие человеческой субъектности, как два взаимодополнительных процесса, приводят к тому, что «человек впервые получает возможность осознать себя в качестве инициатора и демиурга собственной производительной деятельности, осознать себя в качестве хозяина собственных рук и хозяина произведенного продукта». Именно в этой точке происходит появление вместе с земледелием идеи индивидуальной собственности, а вместе с ней и идеи индивидуальности как таковой.

Появление индивидуальности, в свою очередь, вызывает к жизни такое явление, как личная собственность. Как считает В.Л. Иноземцев, «исторически первой формой собственности оказывается личная собственность, зафиксировавшая выделение индивидом самого себя из общинной массы». Для архаических сообществ характерно отсутствие устойчивых хозяйственных связей с другими сообществами, а основные виды деятельности (охота и собирательство) носили коллективный характер, но не приводили к возникновению общественной собственности на предметы быта (которые применялись индивидуально) и на землю (которая вообще не могла быть присвоена). И личная собственность возникает как «вычленение личной собственности из несобственности», ознаменовав при этом индивидуализацию человека [1].

От мифологического мышления к абстрактному: возникновение стоимости. Еще одним последствием произошедшей мировоззренческой революции можно считать изменение способа мышления. От первобытного мифологического мышления происходит переход к мышлению, которое можно обозначить как философское, основанное на рефлексии собственного мифа.

Исследователи, описывающие первобытное мышление (Косов, 2001; Леви-Брюль, 1994; Леви-Строс, 1994; Лотман, 2000; Улыбина, 2001 и др.) выделяют следующие его особенности: нечувствительность к противоречиям, подвижность границ между внутренней и внешней реальностью, однородность содержания, аффективная насыщенность. Для мифологического сознания характерна передача знаний посредством ритуала, через непосредственное проживание.

Переход от мифологического (архаического) уровня мышления сопровождается процессом рефлексии человека по отношению к собственному мифу. Человек начинает задумываться о том, каким образом происходит выстраивание его представлений о мире — возникает философия. Знание о мире (миф), будучи отрефлексированным, требует своего сохранения через письменный текст. Это в свою очередь приводит к появлению института жречества, возникшего для сохранения священных текстов и их толкования. Возникает идея посредника между человеком и Богом. Если в первобытном обществе человек непосредственно принимал участие в сакральных действиях, то для цивилизованного человека характерна передача полномочий исполнения религиозных обрядов служителям культа. Идея посредника находит свою проекцию в экономических отношениях и воплощается в деньгах. Выполняя функцию всеобщего эквивалента, деньги выступают посредниками в отношениях между людьми.

Рефлексивное отношение к собственному мифу приводит к получению человеком своеобразной свободы — свободы от мифа: «земледелие оказывается парадоксальным образом манифестацией человеческой свободы по отношению к мифу. Эпоха безграничного господства мифа кончается: отныне миф вынужден

делегировать часть своих властных полномочий идее практической целесообразности» [2].

Свобода от мифа приводит к тому, что человек получает возможность оценивать. Не будучи связан жесткой детерминированностью мифом, имея возможность отстранения от него, человек получает возможность сопоставлять и сравнивать вещи и события между собой. Появляется понятие стоимости, как оценки и сравнения различных предметов или явлений с помощью использования категории денег.

Одновременно происходит и появление такой категории как товарный, торговый обмен. В обрядово-ритуальной деятельности первобытного человека процесс производства и процесс потребления присутствуют в равной мере. Процесс обмена выведен за рамки единой деятельности производства-потребления, так как обмен возможен только между различающимися субъектами (например, между племенами или личностями — с разным рисунком на лицах!). В рамках одного племени обмена нет, так как нет выделенных индивидуальностей. При этом производство и потребление выступают как неразрывно связанные друг с другом процессы в единой системе ритуальных действий. В современном же обществе процесс производства и потребления опосредован актом обмена, а торговля (торговый обмен) выступила своеобразной квинтэссенцией произошедших мировоззренческих изменений.

Торговый обмен и экономические отношения. Произошедшие мировоззренческие изменения создали идеологическую основу для возникновения торгового обмена в полном смысле этого слова. Процессы производства и потребления, слитые до этого вместе и в рамках первобытного общества, и в более поздних, натуральных хозяйствах становятся опосредованными актом обмена. Рассмотрим обмен как совокупность следующих компонентов: субъекты, совершающие акт обмена, предмет обмена, цели обмена.

Субъекты обмена. В первобытном обществе обмен мог совершаться только между племенами. Отсутствие индивидуальности, отсутствие четко очерченных границ принадлежности не дает возможности обмениваться в рамках одного племени. Мы можем предлагать в качестве предмета обмена только то, что принадлежит нам, или то, что мы считаем таковым. Для этого совершающий обмен человек должен осознавать себя как отдельного субъекта и как хозяина принадлежащего ему имущества.

Другим аспектом рассматриваемого феномена обмена является тот факт, что само по себе развитие необходимого для торговых операций абстрактного мышления и одновременно с этим непосредственным образом связанной с развитием философии рефлексии по поводу собственного мифа, вывели человечество из блаженного состояния неведения, словно лишили его невинности. Возможно, именно с этим связано то, что торговая деятельность на протяжении человеческой истории находится как бы между двумя полюсами — уважения (как деятельность, требующая таланта и умения) и презрения. Человек, занимающийся торговлей, словно приобретает право оценивать, ставить цену услугам и товарам, одновременно приобретая возможность оценивать и другие аспекты человеческой жизни.

М. Вебер, рассматривая происхождение капитализма, указывает путь, с помощью которого протестантская культура преодолела негативные моральные аспекты торговли. Этот путь связан с тем, что «делание денег в глазах протестантов перестает быть средством достижения удовольствия или безопасности и

превращается в цель как таковую. Увеличивать капитал, не расходуя его, не растрачивая, а с единственной целью его увеличить — таков их императив» [5]. Торговля в данном случае выступает не как цель, а как средство зарабатывания спасения.

Подобный путь преодоления конфликта, связанного с аморальностью торговли, существовал и в среде российских предпринимателей — старообрядцев: «постоянное спасение от репрессий и стремление выжить выдвигало из рядов общины наиболее способных личностей, которым доверяли не только отправление культа, но и казну. Так появлялись купцы-миллионеры, которые обязаны были заботиться о благосостоянии своих единоверцев» [7]. Предпринимательская, торговая деятельность старообрядцев в данном случае выступала залогом выживания общины в целом, что давало моральное разрешение на деятельность такого рода.

Предмет обмена. Специфика экономических отношений состоит в том, что они возникают всегда только по поводу какого-либо объекта, манипуляций с ним (купля-продажа, производство, права собственности и т. д.). В торговом обмене предметами обмена прежде всего являются товары и деньги. Как показывают антропологи [6], предметы, участвующие в акте обмена, в первобытном обществе не имеют форму «товара» в современном его понимании. Обмен товарами носит прежде всего церемониальный характер и не предполагает получения экономической прибыли. Сами товары выступают в качестве флажков, коммуникаторов, сигналов для других.

П. Лунт отмечает, что, вещи (товары) выполняют ряд функций, не сводимых к экономическим. Они выступают в качестве символов, поддерживающих личную идентичность: «они включают персональную историю, идеальный образ себя, значимых других, самовыражение». Позволяют выделить владельца из социального контекста, подчеркнуть его индивидуальность, либо, напротив, символически выразить интеграцию владельца с социальным контекстом. П. Лунт совместно с С. Ливингстоун проводили исследования, выявив, что «вещи часто выступают маркерами семейных отношений, используются для обозначения обязанностей и ролевых идентичностей, как поощрение и наказание, выступают как предмет спора и средство управления» [3].

Деньги в первобытном обществе также не выступают в их современном значении. К. Поланьи выдвинул гипотезу о некоммерческом происхождении денег: деньги выступали как средство погашения ритуальных обязательств, таких как плата за убитого или выкуп невесты. Отголоски архаического способа использования денег можно найти сейчас в таком феномене как целевое использование денег, когда «деньги, полученные из определенного источника, «приговариваются» к использованию в строго определенных целях» [4].

Несмотря на все указанные функции денег, они, тем не менее, не могут выступать универсальным маркером для определения экономических отношений. Деньги, именно в силу своей высокой ликвидности, могут появляться и в других сферах, не имеющих прямого отношения к экономике (например, выступать в качестве подарка), и в то же время экономические отношения не исчерпываются только денежными.

Цели обмена. Как мы уже говорили выше, происхождение экономического обмена связано прежде всего с поддержанием социальных связей. Такой точки зрения придерживается С. Московичи: «Обмен создает связь между индивидами, овладевает ими и определяет их принадлежность к определенной группе, общности или институту. То есть заканчивается тем, что почти неизменно дают что-то

сверх того, что получают, и получают что-то сверх того, что дают. В этом смысле обмен составляет первичную форму жизни в обществе, психические и биологические содержания которого он формирует. Ему, таким образом, удастся создать отношение между человеческими существами, охватывающее их внутренний мир, то есть общество вместо простого собрания индивидов» [5].

В экономической литературе обмен также рассматривается как деятельность, поддерживающая структуру общества и определяющая эффективность действия экономики. В рамках современной экономики, характеризующейся все большим разделением и специализацией труда, прекращение обмена означает крах современной цивилизации.

Другой целью обмена, так или иначе, выступает получение выгоды (прибыли). Смещение акцента от поддержания социальных связей к получению выгоды от обмена в форме материальной выгоды сопровождается абстрактным, безличным характером обмена. Максимизация выгоды от рыночной транзакции рассматривается как основной мотив экономического поведения человека в экономической теории.

* * *

В процессе выделения и развития экономических отношений производство и потребление стали опосредоваться актом обмена. И сам процесс производства-потребления получил свое развитие в двух направлениях. Первое направление связано с институционализацией производства, связанной во многом с разделением труда, от выделения цеховых ремесленных общин до появления современных производств в рамках капиталистической и постиндустриальной формации. Происходит отделение хозяйственной деятельности от домашнего хозяйства и ее переход в производственную деятельность, выделение рыночных форм хозяйствования. С этого времени термин «экономика» (как искусство ведения домашнего хозяйства) утрачивает свое первоначальное значение. Экономические отношения становятся отношениями хозяйствующих субъектов, включенных в систему торгово-обменных операций.

Второе направление связано скорее с некоторой консервацией производства-потребления в рамках домохозяйств. Если рассматривать современное домашнее хозяйство, то в рамках его жизнедеятельности осуществляется в основном потребление. Производственная деятельность почти полностью выведена за его пределы. Домашние хозяйства сейчас являются поставщиками рабочей силы. Хотя неизбежно (и неизменно) остается такая сфера деятельности, как домашний труд. Здесь, несмотря на то, что термин «экономика» может быть использован в своем первоначальном значении, эта сфера оказывается за пределами изучения экономической науки. Одно из направлений, появившихся в социальной антропологии в последнее время — это феминистская антропология [6], в рамках которой поднимается вопрос о включении домашнего труда в область рассмотрения сферы экономики. Домашний труд традиционно считается непроизводительным, так как его результаты не выносятся на рынок и не имеют рыночной стоимости.

Архетипически слитое производство-потребление и обмен, как способ поддержания собственного статуса, проявляются сейчас и в сфере потребления (статусное потребление), и в сфере ведения домашнего хозяйства как совмещение процессов производства и потребления, например, в приготовлении пищи и, одновременно с этим, ритуализированный характер действий, в рамках ведения домашнего хозяйства — ритуалы приема пищи, выполнения домашних работ и т.д.

Таким образом, мы можем говорить о том, что за пределы домохозяйств были вынесены десакрализованные, носящие утилитарный характер отношения экономического обмена, в то время как в рамках домохозяйств остались экономические отношения, сохраняющие во многом характер архетипически слитого производства-потребления.

Возникают две имплицитные посылки восприятия экономических отношений: либо отношение к экономике как к большому хозяйству, вверенному ему под его опеку, либо восприятие экономики как системы движения финансовых потоков. Вероятно, в зависимости от того, из какой позиции (чаще всего неявной) исходит человек, будет меняться как восприятие экономических отношений, их определение, понимание, так и способ вовлечения человека в экономические отношения. Хозяйственные отношения направлены прежде всего на внутреннее пространство хозяйствующего субъекта. В этом случае субъект большей частью ориентирован на внутреннюю (домашнюю) организацию своего предприятия, домохозяйства и т.д. Он может обладать определенной автономностью (например, натуральное хозяйство). Для финансовых (торговых, рыночных) отношений характерна преимущественно ориентация вовне — на активное взаимодействие с рыночными игроками. Без взаимоотношений с другими экономическими субъектами торговля, обменные операции существовать просто не могут.

Становится понятным, почему та хозяйственная деятельность, которая выполняется внутри домохозяйств, оказывается исключенной из оценки общего объема благ, произведенных внутри экономики, — эта деятельность сохраняет сакрализованную окраску, и в силу этого, трудно поддается оценке.

Вместе с тем следует предположить, что внутри хозяйственных отношений в семье существует определенная оценка ценности вклада каждого их членов семьи в поддержание и ведение домашнего хозяйства. Но эта система оценок носит не денежный характер, а скорее социальный и выступает в виде сложной системы оценок вклада в ведение домашнего хозяйства каждого из членов семьи. Причем на эту систему оценок влияют также особенности эмоциональных отношений в семье, а также культурные ожидания от роли мужа, жены, детей.

Система оценки вкладов в домашнее хозяйство не может иметь точного денежного эквивалента, так как это приводит к десакрализации отношений. И если отношения переводятся на денежную оценку, они теряют в «близости», обретая «рыночную» окраску. В то же время отношения в семье носят характер социального партнерства, где каждый из партнеров вносит что-то, и при отсутствии взаимного вклада отношения также теряют смысл. Оценка этого вклада необходима, но можно предположить, что она носит характер учета наличия или отсутствия равновесия вкладов каждого из партнеров. При этом все виды хозяйственных вкладов имеют свою цену, которая может быть оговорена культурными особенностями, что приводит к тому, что каждый из партнеров «набирает» определенное количество вкладов для поддержания этого равновесия.

Так, например, в культуре домашний труд может оцениваться в целом низко, в отличие, например, от зарабатывания средств. В этом случае партнеру необходимо будет «добирать» какое-то дополнительное количество вкладов (например, в виде преимущественного воспитания детей) для «выравнивания» равновесия. Тогда как партнер, зарабатывающий деньги, может позволить себе делать меньший вклад в ведение домашнего хозяйства и воспитание детей, так как его вклад и так достаточно высок в сложившейся системе оценок. В то же время, например, при наличии неравновесия в эмоциональных отношениях партнеров равновесие может достигаться за счет регулирования экономических отношений в семье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иноземцев В.Л. Собственность в постиндустриальном обществе в исторической ретроспективе // Вопросы философии. 2000. № 12.
2. Лобок А. М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. 688 с.
3. Лунт П. Психологические подходы к потреблению: вчера, сегодня, завтра // Иностранная психология. 1997. № 9.
4. Малахов С. В. Основы экономической психологии. Учебное пособие. М., 1992.
5. Московичи С. Машина, творящая богов. М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. 560 с.
6. Шрадер Х. Экономическая антропология. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 192 с.
7. Экономическая психология. Под ред. И. В. Андреевой СПб.: Питер, 2000. 512 с.

Мария Сергеевна ШАТОХИНА —
ведущий консультант по персоналу
консалтинговой компании «ПРЭФИШ»,
зам. директора по стратегическому развитию
Тюменского делового клуба,
ассистент кафедры общей и социальной психологии
Тюменского государственного университета

УДК 159.9:316.454.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛУБИННЫХ СМЫСЛОВ В ТРЕНИНГАХ КОНСТРУКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются вопросы глубинных смыслов и механизмов объединения людей в сообщества и построения конструктивных взаимоотношений внутри них. Предоставляется теоретическое обоснование механизмов протекания стандартной групповой динамики (ее логики и последовательности), механизмов объединения людей в группы. Предлагается вариант использования этих механизмов в тренинговой работе.

The article deals with deep senses and mechanisms of people's union in associations and constructive relationship inside them. The theoretical basis explaining the ordinary mechanisms of group dynamics (its logic and succession) are presented in this article. The variant of these mechanisms usage in training activity is also given in this article.

В коммуникативной подготовке тренинг превратился в широко распространенную практику, а профессия тренера стала популярной. Складывается разделение труда, намечается и организационно оформляется профессиональная дифференциация. Но количественный рост далеко не всегда сопровождается достижениями качественного характера.

Описания феномена групповой динамики в психологии имеют давнюю историю. Правда, эти описания даны преимущественно на поведенческом языке — в том виде, как динамика обычно наблюдается в тренинговых группах. К сожалению, почти не уделяется внимание раскрытию глубинных механизмов,